

Ю.И. Ермилов

Художник, теолог, арт-теоретик, преподаватель Ивановского художественного училища им. М.И. Малютина

«Оживляя эпоху ее незаменимыми образами, действует на каждую честную душу». По поводу публикации «Света во тьме» А. А. Федотова в «Роман-газете» (№14, 2020).

В статье анализируется историческое художественное произведение «Свет во тьме» А.А. Федотова, как иллюстрация к положению Русской Православной Церкви в СССР в 1968-1991 гг. Отмечается, что автор органично прерывает рассказ регулярными историческими включениями, позволяющими дополнить картину происходящего в масштабе всей страны. Это дает возможность самому читающему сделать необходимо верные выводы из «художественной» части прочитанного.

Ключевые слова: Церковь, прихожане, верующие, жизнь, автор, литература.

Это произведение впервые было опубликовано десять лет назад. Тогда названное циклом исторических повестей, а сейчас романом, оно произвело на меня сильнейшее впечатление. Все главные герои узнавались с полуслова, их портреты и характеристики были удивительно точными и исчерпывающе краткими. Психологическая атмосфера времени, его вкус были переданы настолько верно, что с первых слов прочно забывалось, что перед тобой сочинение, литература или нечто придуманное. Перед сознанием вставала сама жизнь, не отвлекаемая от своей сути словесными конструкциями и красотами.

Сейчас произведение вышло в известном авторитетном издании – «Роман-газете», что сделало ее намного более доступной широкому читательскому кругу, чем тогда. Сразу надо сказать, что тема произведения очень специфична и рассчитана в первую очередь на тех читателей, кто хоть как-то связан с ней, пусть даже косвенно. Но даже тот, кто свойствами души, воспитанием и биографией далек от церковной темы, будет благодарен автору за исторически точный протрет околоцерковного быта конца советской эпохи.

Писатель знал и знает проблемы приходской жизни изнутри и не отчужденно, не как сторонний наблюдатель, а активно во всех смыслах, участвуя в ее жизни естественно и искренне. Сюжет охватывает довольно боль-

шой период времени, начиная с последних десятилетий коммунистического СССР и заканчивая первыми годами раннего капитализма новой России в городе Петрово. Но такое уточнение в данном случае может почти ничего не сказать читателю. Дело в том, что привычка хронологизировать события именно по только что предложенной схеме, то есть, используя в качестве точки отсчета шкалу общественно-исторической формации, не дает адекватного представления о действительном ощущении времени даже для тех, кто жил в ту пору, и хорошо ее помнит.

Бытие на самом деле не состоит из массы лозунгов и социальных штампов, которыми до сих пор изобилует наша подлинная и придуманная реальность. Сейчас, когда ностальгия по всему советскому всплывает не только в сознании какой-то части живших в то время, но, к удивлению, и тех, кто его не ухватил даже младенчеством, становится ясно, что привычка мыслить и помнить чисто литературными конструкциями, издавна присущая россиянам, не дает им заново прожить или представить это сложнейшее время в действительно эквивалентном образе.

В отличие от названного регламентаризма поветрий сей минуты Алексей Федотов нравственно и научно самоизолирован от любого общественного или властного давления. Он описывает то, что не укладывается в рамки

«нравится – не нравится», а оживляя эпоху ее незаменимыми образами, действует на каждую честную душу, способную ценить явление по его реальному всеобъемлющему значению.

Писать о конце октябрьского периода нашей истории трудно не только из-за массы информативного, взаимно-противоречивого материала, но и из-за громадной принципиальной разницы между судьбами самых разных людей. Когда невозможно сказать, не солгав, что такая-то категория граждан восстала из пепла и реально поднялась, а такая-то ушла в прошлое по тому-то и тому-то, стигнув без следа. Тема касается, прежде всего, жизни церковных прихожан, которых по советской привычке до сих пор без разбора называют верующими. Эта часть людского моря столь разнообразна и неоднородна, что внешний мир страны никогда не имел о ней хотя бы отдаленно верного представления. Из книги любой читатель сможет представить себе, чем это было в реальности. В каждой страте, клане, группе людские судьбы были и есть самые неожиданно разные, и, что очень важно, мало соответствующие пропагандистским клише официальных характеристик, как апологетов, так и критиков.

Есть еще одна, неоднозначная по внутреннему смыслу привычка у многих российских – потенциальных и уже состоявшихся авторов – обобщать необобщаемое. По сути, выстраивать мировоззренческую концепцию по заранее заданному социально-политическому или антисоциальному шаблону, независимо от массы сопутствующих знаков бытия, явно противоречащих очередной литературной схеме. Более того: многие искренне считают, что правдоподобная ложь значительно полезнее и уж, конечно, интереснее обычной правды. И действительно, стар-

шее поколение помнит по урокам литературы в советской школе, что художественная правда является высококлассным правдоподобным вымыслом, что и есть настоящая высокая словесность. Но все не так просто. Последние тридцать лет нашей истории показали воочию и наглядно, как трудно, а чаще всего – невозможно передать комплекс признаков времени, состоящий из множества составляющих, выделить из которых главные знаки практически нереально. Эти знаки меняются от личности к личности, от группы к группе, накладываясь друг на друга в причудливом взаимодействии, рождающем тысячи личных «правд». Хочется уже не в первый раз подчеркнуть, что литература привычного псевдоклассического типа оказалась совершенно неспособной работать с непридуманными реалиями. Неважно какими – концептуальными или фактологическими. Для адекватно живой и осмысленной передачи пульса времени нужен совершенно иной подход к печатному слову. Не говорю «художественному», потому что такое определение себя достаточно дискредитировало.

Наш автор никогда не страдал ни раздражительностью классикам, ни претензией на идеологизированно разжевывающие обобщения. Алексей Федотов – многогранный человеческий феномен, сумевший пройти свой творческий и личный путь в едином неизменяемом русле, что в человеческой судьбе встречается очень редко. Будучи ученым-историком, то есть адептом точного исследовательского метода, он в своем писательском труде следует той же профессиональной логике. Точнее, скорее всего, не следует, а живет в ее необманывающей стихии, которая впускает к себе лишь тех, кто не может нести в себе неправду. Но этого для исторической истины конкретного момента слишком мало. Чтобы не погрязнуть в изобилии необходимых исходных позиций и в то же время дать панораму эпохи со всеми ее внутренними неизбежными признаками, надо уметь не отделять себя от нее. Не притворяться, что ты туда проник под видом «своего в доску», а реально быть им. Тогда отбор главного не будет отбором, а состоится сам из себя – естественно и идеально. Но симитировать такую творческую систему просто невозможно, ее можно лишь иметь изначально. От Бога.

Алексей Александрович исследовал историю Русской Православной Церкви в Ива-

новском крае, часть которой он прожил в ней сам. Его научные труды - важнейший и пока внеконкурентный источник информации по данным вопросам. Этот факт делает его литературный предмет своеобразным продолжением его же научно-исторического видения этой сложнейшей общероссийской проблемы. То, что представлено им в повести, не несет в себе ни капли выдумки, тем более – лжи, ни следа концептуально искусственной задачи. Подобное произведение возможно только тогда, когда представленное автором человековедческое пространство является его собственным ареалом бытия, где творчество является неотделимой частью жизни и не нуждается в стилистическом опосредовании. Язык повести идеально прост и не страдает литературностями, а передает все происходящее в той точной мере соответствия главного, второстепенного и случайного, что максимально сохраняет все признаки времени.

Мне пришлось начать сотрудничать с Православной Церковью с 1975 года с небольшими перерывами и столкнуться с главными героями книги, которые легко узнаются вопреки их измененным именам-фамилиям. Многих свидетелей и участников этого ярчайшего периода истории автор вообще не упоминает, но это не делает его книгу выборочной и подчищенной ради главных персонажей. Удивительно то, что материал, не способный фактами количественно охватить и малую долю происходящего, выражает дух эпохи исчерпывающе и даже с избытком. В процессе чтения ассоциативные ряды мгновенно уводят сознание вглубь и вширь, восстанавливая сложнейшие картины происшедшего, которых автор лишь коснулся или намеренно пропустил. Читая «Свет во тьме», никто не представит себе боль и нерв того времени не так, как это было на самом деле. Более того, за юмором и сарказмом отдельных эпизодов стоит неистребимый эпохальный моральный дух, состав которого многоярусен, неоднозначен и неподвластен формальному определению. Весь этот грандиозный по содержанию и малый по географическим меркам пласт жизни реально встает перед глазами и беспокойно проходит по душе, оставляя ощущение значительно большего бытийного про-

странства, чем описанное в повести местное поле.

Думается, что всякий, кто далек душой от темы книги, несмотря на эту собственную отчужденность от данного аспекта национальной духовной проблематики, сумеет вспомнить, не напрягаясь, многое другое из этого хронологического отрезка и увидеть его в несколько ином смысловом колорите. Специфика авторского показа бытия такова, что при ее узкой и непривычной для большинства россиян системе жизненного уклада она отражает и выражает исключительно точно и полно общую картину психологического состояния практически всех людей конца одной и начала другой эпохи.

Любой читающий догадается, что значит города Петрово, Чапаевск. А лично знавшие героев повествования сразу поймут, кто такие архимандрит Анатолий и протоиерей Александр – люди, с которых начинается время реального возрождения российской духовности в нашем крае, духовности не по веянию времени и не по разрешению властей, а по благодати Божией, свершившейся в нужный момент в нужном месте. И многие вдруг уразумеют, что значит Чудо, хотя это понятие в повести не акцентируется.

Автор органично прерывает рассказ регулярными историческими включениями, позволяющими дополнить картину происходящего в масштабе всей страны. Это дает возможность самому читающему сделать необходимо верные выводы из «художественной» части прочитанного.

Книга с болью и радостью прошла по моему сердцу еще раз как само когда-то пережитое вместе с этим маленьким и одновременно таким грандиозным внутрицерковным миром, заставив вторично вернуться в то трагичное и напряженное время. Вспомнить всех, упомянутых и не упомянутых в повести и многократно воздать искреннюю благодарность главным ее героям и автору, который жил и работал среди них, скромно себя не демонстрируя в качестве персонажа.

Алексею Александровичу Федотову, ученому, писателю и человеку – неиссякаемых творческих успехов и Божьей помощи во всех делах.

©Ермилов Ю.И., 2020